

Иглокалывание в тени: смягчение бунта

Дни текли незаметно, скрытые за обманчивой пеленой спокойствия. Жизнь Юнь Чэ по-прежнему была ограничена стенами отдаленного двора, а приставленные к нему соглядатеи, словно дамоклов меч, вечно висели над головой, напоминая о необходимости быть осторожным в словах и поступках.

Тот случай с лечением слуги, хоть и был продиктован минутной слабостью, все же принес свои плоды. По крайней мере, обрывок древнего медицинского трактата стал для него крошечным окном в тайны медицины этой эпохи. С помощью Ча-Ча, подключившейся к общедоступной базе данных имперской сети (доступ был крайне ограничен, позволяя видеть лишь самые базовые сведения), он с трудом сравнивал и распознавал узоры и иероглифы на клочке бумаги, пытаясь постичь их фармакологический смысл.

Процесс шел медленно и тяжело: растительный мир и теория лекарственных свойств в этом мире сильно отличались от того, что он знал в своей прошлой жизни. Множество концепций приходилось изучать и осмысливать заново. Однако это лишь разожгло в нем жажду знаний и азарт. Он превратил это в своего рода практику, в попытку проложить новый путь посреди безвыходной ситуации.

Тем временем внутренняя энергия в его теле, благодаря ежедневным упорным тренировкам и последней пилюле для очищения костного мозга низкого качества, наконец окрепла: теперь она была толщиной примерно с два волоска и могла свободнее циркулировать по основным меридианам. Самым ощутимым преимуществом стало то, что его пять чувств обострились, а контроль над собственным телом стал гораздо точнее.

В ту ночь луна скрылась за тучами, поднялся ветер.

Юнь Чэ был погружен в раздумья о свойствах растения под названием Звездная лоза, упомянутого в трактате, как вдруг едва уловимое, но пугающе яростное энергетическое колебание, словно камень, брошенный в гладь озера, просочилось сквозь стены и пространство.

Источник колебаний... это был главный дом, кабинет маршала!

Юнь Чэ резко поднял голову, отложил обрывок трактата и сосредоточился.

Волна была хаотичной, острой, наполненной невыразимым беспокойством и давлением. Несмотря на значительное расстояние и то, что ее изо всех сил пытались подавить, разрушительная аура, содержащаяся в ней, заставила Юнь Чэ мгновенно вспомнить о Мо Яне и его, как говорили, крайне нестабильной ментальной силе.

— Ча-Ча, просканируй энергетические колебания там! — немедленно скомандовал он про себя.

— Пик-пик! Обнаружено ментальное поле высокой интенсивности с критическим уровнем хаоса! Источник подтвержден: кабинет маршала. Характеристики энергии на 87 процентов совпадают с записями в базе данных о предвестниках ментального бунта! — в голосе Ча-Ча слышалось напряжение. — Ого, кажется, маршал-леопард вот-вот взорвется! Хозяин, может, спрячемся подальше? Бунт такого уровня очень опасен!

Ментальный бунт?

Взгляд Юнь Чэ стал холодным. Он вспомнил то давящее беспокойство, которое почувствовал в первую брачную ночь, и тот промелькнувший в коридоре раздраженный внутренний голос, упоминавший ингибиторы.

Оказывается, его проблема зашла так далеко.

Волны, казалось, лишь усиливались. Хотя основная мощь была насильственно заперта в пределах кабинета, незримое, пугающее давление распространялось вокруг. Даже соглядатаи в тени, по-видимому, ощутили неладное: их присутствие стало менее стабильным, но из-за страха перед Мо Янем или полученных приказов никто не решался приблизиться.

Юнь Чэ молча сидел в темноте, пальцы его бессознательно постукивали по столу.

Спасать или нет?

Разум твердил ему не вмешиваться. Жизнь или смерть Мо Яня его не касаются, а если тот умрет, возможно, он даже быстрее обретет свободу. Риск был слишком велик: если его поймут, оправдаться не удастся. Соглядатаи все еще были на посту, а кабинет маршала наверняка охранялся особенно тщательно.

Но...

Инстинкт целителя не давал покоя. Он не испытывал на себе муки ментального бунта, но мог представить, насколько это опасно. К тому же, во время того покушения, какими бы ни были истинные цели Мо Яня, он действительно устранил нападавших, что в какой-то мере обеспечило спокойствие в их отдаленном двореке. Хотя его намерения явно не были направлены на защиту Юнь Чэ.

Что еще важнее, это был шанс. Прекрасная возможность вблизи понаблюдать за системой сил сильнейшего человека этой эпохи и проверить, применима ли его собственная медицина (особенно в области ментальной энергии) в этом мире. Риск и возможности шли рука об руку.

В тот момент, когда в его душе шла ожесточенная борьба, яростные ментальные колебания, казалось, достигли критической точки, а затем резко замерли, будто их насильственно оборвали. Интенсивность внезапно упала, но буря не утихла окончательно, превратившись в

еще более тяжелое, нестабильное брожение, напоминающее затишье перед штормом.

— Хозяин, колебания ослабли! Но в эпицентре все еще крайне нестабильно, похоже, это было насильственное подавление, но в любой момент может рвануть снова! — докладывала Ча-Ча в реальном времени.

Насильственное подавление? Похоже, Мо Янь применил какие-то методы, но они явно лечили симптомы, а не причину.

В голове Юнь Чэ созрел дерзкий план.

Он глубоко вздохнул, его взгляд стал острым и решительным.

Юнь Чэ переоделся в самую темную и неприметную старую одежду, спрятал в рукавах несколько тончайших серебряных игл, которые подготовил заранее. Направив внутреннюю энергию до предела, он, подобно легкой дымке, бесшумно выскользнул из дворика.

Благодаря тому, что последние дни он изучал графики дежурств соглядатаев, а его собственная способность скрываться возросла, он ловко избегал взглядов часовых, используя тени и промежутки между обходами патрулей, и, словно призрак, прокрался к кабинету.

Чем ближе он подходил, тем отчетливее ощущалось гнетущее ментальное беспокойство, воздух словно становился вязким и тяжелым. Окна кабинета были плотно закрыты, шторы задернуты, внутри не горел свет, царила мертвая тишина. Похоже, охрана получила приказ отступить подальше и не смела беспокоить маршала в такой момент.

Юнь Чэ затаил дыхание и, словно опавший лист, прижался к тени коридора снаружи кабинета. Он прислушался — внутри слышалось лишь с трудом сдерживаемое, тяжелое, болезненное дыхание.

Мо Янь был там, и состояние его было ужасным.

Юнь Чэ осторожно, с помощью тонкой стальной проволоки, отодвинул старую задвижку на окне (в этом мире высокотехнологичные здания в некоторых деталях сохраняли древние конструкции). Движения были настолько мягкими, что не издали ни звука. Приоткрыв щель, в которую мог протиснуться человек, он молнией скользнул внутрь и тут же тихо прикрыл окно за собой.

В кабинете царила тьма, лишь слабый свет снаружи очерчивал контуры мебели. Остаточные волны ментальной энергии давили на нервы почти физически, в воздухе оставался едва уловимый холодный запах крови.

При слабом свете Юнь Чэ увидел высокую фигуру Мо Яня, бессильно осевшего в массивное

кресло. Голова его была откинута назад, глаза плотно закрыты, брови сурово сдвинуты, на лбу вздулись вены, лицо покрывал холодный пот. Он, казалось, пребывал в полубморочном состоянии, но тело все еще слегка содрогалось от боли. Правой рукой он крепко сжимал левое предплечье, костяшки пальцев побелели: там виднелась свежая рана, из которой все еще сочилась кровь.

Действительно, насильственное подавление привело к откату и физическим повреждениям.

Юнь Чэ не смел медлить, времени было в обрез. Он быстро приблизился, в его пальцах блеснули три тончайшие, как волос, серебряные иглы.

Найти точки, сосредоточиться, направить энергию!

Движения были быстрыми, как молния, и точными до миллиметра!

Три иглы вошли в жизненно важные точки на голове Мо Яня: Байхуэй, Шэньтин и Фэнчи. Кончики игл вибрировали, пропитанные слабой, но чистой внутренней энергией Юнь Чэ, которая таинственным образом направляла застоявшиеся потоки ментальной энергии, успокаивая нервы, стоявшие на грани срыва.

Это была секретная техника клана Юнь из его прошлой жизни — Иглы успокоения духа, специально предназначенная для борьбы с последствиями нарушения внутренней циркуляции и помутнения сознания. Возможно, она окажется эффективной и против ментального хаоса.

Процесс занял не более двух-трех вдохов.

Эффект был почти мгновенным: нахмуренные брови Мо Яня разгладились, вздувшиеся вены успокоились, а тяжелое, болезненное дыхание стало ровным и глубоким. Хотя это не было полным исцелением, яростные колебания, готовые вот-вот взорваться, были искусно отведены и временно утихли.

Юнь Чэ не стал медлить, быстро извлек иглы и спрятал их в рукав. Взглянув на руку Мо Яня, сжимавшую рану, он на мгновение заколебался, но все же достал из-за пазухи небольшой бумажный сверток с остатками кровоостанавливающего порошка (который сделал сам из найденных трав, эффект был средним) и осторожно присыпал рану.

Закончив, он, как и пришел, бесшумно отступил к окну, ловко выбрался наружу, вернул задвижку на место, стер все возможные следы и, укрываясь в тених, быстро удалился.

Все это время его сердце бешено колотилось. Только вернувшись в свой домик и заперев дверь, он позволил себе выдохнуть. Спина была насквозь мокрой от пота.

— Динь-дон! Хозяин пошел на риск, тайно предотвратив угрозу тяжелого ментального бунта у

ключевого персонажа, успешно скрыл свое присутствие и изменил незначительный узел сюжета! Награда: 10 очков! — голос Ча-Ча звучал с оттенком испуга и восторга. — Хозяин, ну ты и смельчак! Но сработано отлично!

Юнь Чэ успокаивал бешеный ритм сердца, не отвечая на восторги Ча-Ча.

Он подошел к тазу с водой, тщательно смыл с рук возможный запах крови и лекарственного порошка. Глядя на свое бледное отражение в воде, он чувствовал внутри лишь пустоту и покой.

— В этот раз я просто вернул долг за устранение убийц и косвенное поддержание тишины в моем дворе, — холодно сказал он себе в глубине души. — С этого момента мы квиты.

...

В кабинете.

Мо Янь медленно очнулся от состояния небывалого глубокого расслабления.

Ожидаемой сильной головной боли и ощущения разрываемого сознания не было. Напротив, его море сознания окутал долгожданный покой. Хотя ментальная сила все еще была истощена, мучительное беспокойство и боль чудесным образом утихли.

Он с сомнением открыл глаза, золотистые зрачки привыкали к темноте.

Почему он уснул так крепко? И... кажется, ему стало намного лучше?

Он машинально пошевелил рукой и почувствовал легкое покалывание в области раны на левой руке, а еще... какое-то странное ощущение порошка.

Он опустил взгляд и увидел, что рана, которую он сам нанес себе ногтями, пытаясь подавить бунт, была просто перевязана, а сверху покрыта тонким слоем порошка с горьковатым запахом трав. Это был не тот запах синтетического спрея, который обычно использовали военные врачи в поместье.

Кто это был?

Он резко встал, острый взгляд, подобно прожектору, прошелся по каждому углу кабинета.

Окно плотно закрыто, дверь заперта изнутри, все как обычно. Система безопасности не зафиксировала ни одного случая проникновения.

Однако в воздухе, казалось, остался едва уловимый, едва заметный аромат, отличный от его привычных благовоний и запаха крови... свежий, чистый аромат? Будто запах каких-то трав.

А еще его нынешнее необычайно спокойное ментальное состояние и этот порошок на ране, взявшийся неизвестно откуда...

Все это казалось крайне странным.

Мо Янь стоял на месте, снова нахмурившись. В его золотистых глазах читались подозрение и глубокое сомнение.

Что, черт возьми, здесь произошло?

<http://bllate.org/book/18828/1832668>